

УДК 343.2

DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(6).914-926

КОНКУРИРУЮЩИЕ НОРМЫ О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА В УГОЛОВНОМ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.И. Лукашов¹, С.В. Шевелева²¹ Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь² Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

5 августа 2020 г.

Дата принятия в печать

21 декабря 2020 г.

Дата онлайн-размещения

30 декабря 2020 г.

Ключевые слова

Конфискация имущества;
специальная конфискация;
вещественное доказательство;
процессуальная конфискация;
иная мера уголовно-правового характера

Финансирование

Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюции личности, общества и государства»

Аннотация. Конфискация имущества является конвенционной мерой уголовно-правового воздействия, поэтому предусмотрена в различных нормативных интерпретациях всех европейских государств. В Беларуси с 19 июля 2019 г. произошли изменения в правовом регулировании конфискации имущества, которая как вид дополнительного наказания перестала применяться в связи с исключением ее из системы наказаний. Сохранена специальная конфискация имущества, полученного в результате совершения преступления или связанного с совершением преступления, с одновременным расширением сферы ее применения на случаи освобождения от уголовной ответственности. Специальная конфискация определена как принудительная мера уголовно-правового характера, не являющаяся мерой уголовной ответственности. В России сходная по содержанию мера уголовно-правового характера — конфискация имущества — действует с 2006 г. Авторы статьи характеризуют двойственную природу конфискации, предусмотренной нормами УК и УПК обоих государств, правовую неопределенность этих норм. Проанализированы правовые позиции Конституционных и Верховных Судов Беларуси и России по проблеме соотношения и применения конкурирующих уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм о конфискации, противоречивая и не отличающаяся единообразием судебная практика их применения. Предлагаются коррективы указанных норм УК и УПК Беларуси и России. Определены положительные и отрицательные стороны нормативного регулирования конфискации в обоих государствах, представлены доводы о возможности заимствования позитивного опыта как Россией, так и Республикой Беларусь: положительно оценивается отсутствие в белорусском законе привязки специальной конфискации имущества к конкретным статьям Особенной части уголовного закона и возможность применения рассматриваемой меры в случаях освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; в России удачно регламентирована возможность изъятия не только имущества, подлежащего конфискации, но и денег или иной собственности, стоимость которой соразмерна стоимости подлежащего конфискации имущества при его отсутствии. Обосновывается вывод о том, что основанием конфискации имущества в РФ (специальной конфискации в РБ) могут служить только нормы уголовного закона. Уголовно-процессуальные нормы должны регулировать лишь порядок применения норм уголовного закона о конфискации имущества (специальной конфискации).

COMPETING NORMS ON THE CONFISCATION OF PROPERTY IN THE CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alexey I. Lukashov¹, Svetlana V. Sheveleva²¹ Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus² Southwest State University, Kursk, the Russian Federation

Article info

Received

2020 August 5

Accepted

2020 December 21

Available online

2020 December 30

Abstract. The confiscation of property is a conventional measure of criminal law impact, therefore, it is included in different normative interpretations of all European states. The legal regulation of the confiscation of property changed in Belarus on July 19, 2019, when it was excluded from the system of punishments and ceased to be applied as a measure of additional punishment. The legislation preserved special confiscation of property acquired as a result of a crime or connected with committing a crime; at the same time, the scope of its application was broadened to include cases

Keywords

Confiscation of property; special confiscation; material evidence; procedural confiscation; other criminal law measure

Acknowledgements

The article is written within the framework of State Task for the year 2020 № 085102020-0033 «Transformation of private and public law in the conditions of the evolution of an individual, society and the state»

of exemption from criminal liability. Special confiscation is determined as a compulsory measure of criminal law character, and not a criminal law measure. A measure that is similar in its content — the confiscation of property — has been in force in Russia since 2006. The authors of the article describe the dual nature of confiscation provided for in the norms of the Criminal Codes and the Criminal Procedure Codes of both countries, as well as the legal ambiguity of these norms. They analyze the legal positions of the Constitutional and the Supreme Courts of Belarus and Russia on the problem of the correlation and application of competing criminal law and criminal procedure norms on confiscations, as well as the court practice of their application, which is contradictory and lacking in uniformity. They recommend how the above-mentioned norms of the Criminal and the Criminal Procedure Codes of Belarus and Russia could be amended. The authors also identify the positive and negative sides of normative regulation of confiscation in both countries and show how Russia and the Republic of Belarus could draw on the positive experience of one another: they give a positive assessment to the absence of a link between special confiscation of property and concrete articles of the Special Part of criminal legislation, as well as to the possibility of using the analyzed measure in cases of exemption from criminal liability without exoneration in Belarus law; Russian law poses a good example of regulating the possibility of seizing not only the property to be confiscated, but also money and other property whose value is proportionate to the value of the property to be confiscated in cases of its absence. It is proven that only the norms of criminal law could act as grounds for the confiscation of property in the Russian Federation (special confiscation in the Republic of Belarus). Criminal procedure norms should just regulate the procedure of applying the norms of criminal law on the confiscation of property (special confiscation).

В Беларуси и России уделяется большое внимание вопросам правовой регламентации конфискации имущества, нашедшей отражение в нормах уголовного и уголовно-процессуального закона обоих государств.

В 2019 г. Беларусь вслед за Россией исключила из системы наказаний конфискацию имущества как вид дополнительного наказания¹. Вместо конфискации имущества, предусматривавшейся ранее в десятках статей Особенной части Уголовного кодекса Республики Беларусь, с 19 июля 2019 г. стало применяться в качестве обязательного или назначаемого по усмотрению суда дополнительное наказание в виде штрафа, которое включено в санкции подавляющего большинства статей Особенной части УК РБ, содержащих ранее указание на конфискацию имущества.

Удалив из системы наказаний такой вид наказания, как конфискация имущества, приобретенного законным путем, белорусский законодатель не мог и не должен был отказываться от применения предусмотренной в УК РБ с момента принятия его в 1999 г. конфискации имущества, полученного в результате совершения

преступления или связанного с совершением преступления, получившей название специальной конфискации, сходной с такой российской мерой уголовно-правового характера, как конфискация имущества, предусмотренной ст. 104.1 УК РФ.

Исключив из УК РБ ст. 61, определявшую конфискацию имущества как вид наказания, законодатель пошел на дополнение гл. 8 УК РБ «Общие условия уголовной ответственности» статьей 46¹ «Специальная конфискация». Однако этим он не ограничился и одновременно включил в ст. 46 УК РБ «Реализация уголовной ответственности» ч. 2, в которой предусмотрел, что специальная конфискация применяется при совершении преступления *наряду с уголовной ответственностью*, а также при освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК РБ.

Изменения в УК РБ, касающиеся специальной конфискации, не привели к соответствующим корректировкам Законом 171-З ст. 98 УПК РБ, посвященной *конфискации имущества, признанного вещественным доказательством по уголовному делу и одновременно имеющего признаки, свойственные предмету специальной конфискации, предусмотренной ст. 46¹ УК РБ*. Закон № 171-З сохранил регламентацию специальной конфискации и в УК (специальная уголовно-правовая конфискация имущества),

¹ О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь : закон от 9 янв. 2019 г. № 171-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2019. № 2/2609. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=H11900171>. Далее — Закон № 171-З.

и в УПК РФ (специальная уголовно-процессуальная конфискация имущества, признанного вещественным доказательством), обозначив в качестве предмета обоих видов специальной конфискации:

– имущество, являющееся орудием или средством совершения преступления, принадлежащее лицу, совершившему преступление (ч. 1 ст. 46¹ УК) (принадлежащее обвиняемому — п. 1 ст. 98 УПК РФ);

– предметы, запрещенные к обращению (ч. 1 ст. 46¹ УК РФ) (изъятые из оборота — п. 2 ст. 98 УПК РФ);

– имущество, добытое преступным путем (ч. 1 ст. 46¹ УК РФ) (деньги и иные ценности, приобретенные преступным путем — п. 4 ст. 98 УПК РФ).

Хотя терминологически описание признаков предметов обоих видов специальной конфискации различается, содержательно они совпадают.

Похожий подход к регулированию конфискации в уголовном и уголовно-процессуальном законе имеет место и в российском законодательстве.

В ч. 1 ст. 104.1 УК РФ перечислены предметы уголовно-правовой конфискации, в пп. 1 и 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ эти же предметы, но признанные вещественными доказательствами по уголовному делу, обозначаются как предметы уголовно-процессуальной конфискации. При этом в ст. 81 УПК РФ описание части предметов процессуальной конфискации совпадает с их описанием в п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому), а в остальной части законодатель для их обозначения применяет бланкетно-отсылочную норму. В п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ в качестве предмета уголовно-процессуальной конфискации называются предметы уголовно-правовой конфискации (деньги, ценности и иное имущество, указанные в пп. «а»–«в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ (отсылка к уголовному закону)), за исключением случаев, предусмотренных п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ (отсылка к уголовно-процессуальному закону).

Правовую оценку двойственной природе имущества, являющегося, с одной стороны, вещественным доказательством и предметом уголовно-процессуальной конфискации в силу ст. 81 УПК РФ, с другой — предметом уголовно-правовой конфискации в соответствии со ст. 104.1 УК РФ, дал Конституционный Суд РФ. Он указал, что «...такие имущественные объекты, как орудия

или иные средства совершения преступления, которые в качестве вещественных доказательств обеспечивают выявление имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, после завершения производства по данному делу, по существу, утрачивают свое процессуальное качество, но могут сохранять значимость как объекты вещного права (если только они не запрещены к обращению и не изъяты из незаконного оборота) и как таковые подлежат конфискации, которая в этих случаях, имея целью удержание самого правонарушителя и других лиц от противозаконного использования принадлежащего им имущества, выступает юридическим последствием инкриминируемого лицу уголовно наказуемого деяния»².

Исходя из приведенной посылки, Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, что конфискация орудий и иных средств совершения преступления в контексте уголовного закона представляет собой «...публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания; как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему... а потому может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры при постановлении обвинительного приговора, но и *при освобождении от наказания*»³ (курсив наш. — А. Л., С. Ш.).

Как известно, ч. 1 ст. 104.1 УК РФ предусматривает конфискацию имущества только на основании обвинительного приговора. Поэтому приведенную позицию Конституционного Суда РФ можно понимать как указание им на возможность применения судом уголовно-правовой конфискации не только при вынесении обвинительного приговора с назначением наказания, но и при постановлении обвинительного приговора с освобождением осужденного от наказания.

² По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Е. Певзнера : постановление Конституц. Суда РФ от 7 марта 2017 г. № 5-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Там же.

В анализируемом постановлении Конституционного Суда РФ не поставлена под сомнение конституционность норм п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ. Напротив, признано, что права обвиняемого не нарушаются при принятии решения об уголовно-процессуальной конфискации признанных вещественным доказательством принадлежащих ему орудий, оборудования или иных средств совершения преступления со ссылкой на п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ не только при вынесении обвинительного приговора, но и при постановлении определения или постановления о прекращении уголовного дела. Требуется лишь до вынесения определения или постановления о прекращении уголовного дела информировать обвиняемого о такой конфискации и получить его согласие как на ее применение, так и на прекращение уголовного дела.

В этой связи возникает резонный вопрос: если, согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, конфискация имущества, в том числе принадлежащих обвиняемому орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, является *принудительным* безвозмездным изъятием и обращением его в собственность государства на основании обвинительного приговора, то конфискация в порядке п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ не обязательно должна быть принудительной? Если следовать постановлению Конституционного Суда РФ, то согласие обвиняемого на применение конфискации указывает на отсутствие в ней признака принудительности как конститутивного признака конфискации.

Анализируя ситуацию с прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, сопровождающимся уголовно-процессуальной конфискацией имущества, П.А. Скобликов справедливо задается вопросом: «Можно ли принять это объяснение? Действительно ли собственник — обвиняемый, но формально невиновный — не принуждается к отказу от права собственности?» [1, с. 122]. Иными словами, вопрос о применении уголовно-процессуальной конфискации сопряжен также с решением принципиального вопроса о признании лица виновным в совершении преступления при прекращении уголовного дела.

Конституционный Суд РФ в анализируемом постановлении со ссылкой на другие свои постановления по этому же вопросу приходит к выводу, что определение или постановление о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям не подменяет собой

приговор суда, по своему содержанию и правовым последствиям не является актом, которым устанавливается виновность обвиняемого в том смысле, как это предусмотрено Конституцией РФ. Формально такое понимание конституционной нормы безупречно: раз решение о виновности лица изложено не в приговоре суда, то такое решение, каково бы оно ни было, не устанавливает виновность или невиновность лица. Однако, по сути, по своему содержанию прекращение дела по нереабилитирующему основанию не по приговору суда есть не что иное, как признание лица виновным в совершении преступления, поскольку такое прекращение допускается лишь при доказанности совершения лицом преступления, одним из обязательных признаков которого является виновность лица в его совершении (ст. 3, 10, 11 и др. УК РФ; ст. 5, 6, 14 и др. УК РФ) [2, с. 272]. Аналогичное понимание прослеживается и в других странах [там же; 3, р. 17; 4, р. 67; 5; 6].

Более осторожный подход демонстрирует Конституционный Суд РФ. Им признано, что допущение УПК РФ прекращения производства по уголовному делу на стадии предварительного расследования по нереабилитирующим основаниям является в определенной мере отступлением от принципа презумпции невиновности, хотя и гарантирует рассмотрение дела в суде в случаях, если обвиняемый возражает против прекращения производства по уголовному делу по таким нереабилитирующим основаниям⁴.

Судья Конституционного Суда РФ С.М. Казанцев, высказавший особое мнение по вопросу о конституционности п. 1 ч. 3 ст. 81 и ст. 401.6 УПК РФ, пришел к выводу, что норма п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ, допускающая возможность конфискации имущества у лица, от уголовного преследования которого государство отказалось, позволяет фактически признать такое лицо виновным в совершении преступления отличным от приговора судебным решением, что не согласуется с конституционным требованием обеспечения прав, вытекающих из презумпции невиновности, и приводит к нарушению гарантий, предусмотренных Конституцией РФ.

⁴ О гарантиях обвиняемому при прекращении предварительного расследования в связи с истечением сроков давности : решение Конституц. Суда Респ. Беларусь от 3 нояб. 2003 г. № Р-161/2003 // Национальный правовой реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 124. № 6/377.

Такой подход представляется нам заслуживающим одобрения. В этой связи уместно заметить, что опыт Беларуси, допустившей применение специальной конфискации не только наряду с уголовной ответственностью, но и при освобождении лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК РБ, может быть использован в России только в части распространения уголовно-правовой конфискации на случаи освобождения от уголовной ответственности, но с соблюдением конституционных гарантий на признание лица, освобождаемого от уголовной ответственности, виновным в совершении преступления только по приговору суда.

К сожалению, ни в постановлении Конституционного Суда РФ, ни в особом мнении судьи С.М. Казанцева не нашел отражения вопрос о наличии конкуренции между нормами ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ и о том, как ее надлежит разрешать. По существу, Конституционный Суд РФ не признал не соответствующим закону применение уголовно-процессуальной конфискации со ссылкой на п. 1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ при одновременном наличии оснований для применения уголовно-правовой конфискации со ссылкой на ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. С другой стороны, он не пояснил, как разрешать указанную конкуренцию, какой из этих норм (уголовно-процессуальной или уголовной) нужно руководствоваться суду при применении конфискации имущества и почему.

Проблема конкуренции уголовных и уголовно-процессуальных норм о специальной конфискации стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РБ. В решении Суда «О правовом регулировании специальной конфискации» от 6 июня 2017 г. № Р-1086/2017 наряду с другими вопросами затронут вопрос и о правовом регулировании специальной конфискации в нормах УК РБ и УПК РБ.

Конституционный Суд РБ отметил, что специальная конфискация является мерой уголовно-правового характера, выражающейся в принудительном безвозмездном изъятии в собственность государства имущества (находящегося как у осужденного, так и у других лиц), определенным образом связанного с совершением преступления. Нормы ч. 6 и 7 ст. 61 УК РБ не в полной мере отвечают международным обязательствам республики, и для устранения правового пробела в УК РБ следует предусмотреть специальную конфискацию имущества,

используемого или предназначенного для финансирования терроризма и иных конвенционных преступлений, независимо от того, находится оно в собственности подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия, либо в собственности других лиц.

В то же время Конституционный Суд РБ указал и на уголовно-процессуальную природу специальной конфискации, которая заключается в том, что предметы, подлежащие конфискации, одновременно выступают в качестве вещественных доказательств (ст. 96, 98 УПК РБ), призванных обеспечить надлежащее отправление правосудия. Применение же специальной конфискации как меры уголовно-правового характера осуществляется лишь в порядке уголовного судопроизводства.

Такое правовое регулирование в УК РБ и УПК РБ специальной конфискации Конституционный Суд РБ определил как указывающее на наличие правовой неопределенности, выражающейся в неоднозначном и противоречивом правовом регулировании специальной конфискации нормами различной отраслевой принадлежности (ч. 6 ст. 61 УК РБ и ст. 96, 98 УПК РБ). Им признано необходимым исключить правовую неопределенность и устранить имеющиеся пробелы путем внесения соответствующих изменений и дополнений в УК РБ и УПК РБ⁵.

Как и Конституционный Суд РФ, Конституционный Суд РБ не сформулировал правовую позицию по вопросу разрешения конкуренции указанных уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, которая могла бы использоваться как в правоприменении, так и при корректировке УК РБ и УПК РБ.

В настоящее время разрешение коллизии между УК РБ (ст. 46 и 46¹) и УПК РБ (ст. 98) в Беларуси отдается на усмотрение суда. И немалое число судов ориентируется при решении этого вопроса на разъяснение, содержащееся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РБ от 23 сентября 1999 г. № 8, согласно которому специальную конфискацию, предусмотренную в УК РБ, следует применять в порядке ст. 98 УПК РБ⁶.

Признав орудия и средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому, иное имущество, перечисленное в ст. 98 УПК

⁵ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2017. № 6/1597.

⁶ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 78. № 6/53 ; 2001. № 39. № 6/279.

РБ, вещественным доказательством, немалое число судов применяет его конфискацию со ссылкой на эту статью УПК РБ. Другими словами, осуществляется конфискация вещественного доказательства, а не предмета специальной конфискации, акцент в судебном решении делается на уголовно-процессуальный статус, а не на уголовно-правовой статус конфискуемого имущества.

Например, по уголовному делу К., разрешая иск потерпевшей о взыскании с обвиняемой причиненного преступлением вреда, суд со ссылкой на п. 4 ст. 98 УПК РБ указал в приговоре об обращении взыскания на мобильный телефон потерпевшей как имущество, добытое преступным путем (предмет специальной конфискации согласно ст. 46¹ УК РБ), и определил к взысканию с осужденной стоимость похищенного ею телефона. Областной суд признал законным это решение нижестоящего суда как соответствующее положениям п. 4 ст. 98 УПК РБ⁷.

В России, разрешая судьбу вещественных доказательств, суды признают то или иное имущество таковым в соответствии со ст. 81 УПК РФ, однако конфискацию осуществляют на основании п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ [7, р. 96; 8, с. 314; 9, с. 543]. Наиболее типичная формулировка в приговоре: «...учитывая, что сотовый телефон, изъятый у Абильдаева А.Е., является средством совершения преступления, так как подсудимый его использовал для обеспечения связи с неустановленным лицом в целях приобретения наркотического средства и последующей его передачи наркозависимым лицам, суд считает необходимым в соответствии с п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ его конфисковать и обратить в собственность государства»⁸.

В Беларуси подход, согласно которому конфискация имущества, входящего в перечень предметов специальной конфискации и признанного по уголовному делу вещественным доказательством, осуществляется в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, Пленум Верховного Суда РБ продублировал и в п. 19 постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 26 июня 2003 г. № 6

⁷ Определение судебной коллегии по уголовным делам областного суда от 28 июня 2019 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: Беларусь. Судебная практика».

⁸ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 24 апреля 2019 г. № 1-388/2019 по делу № 1-388/2019. URL: <https://sudact.ru>.

(далее — постановление Пленума от 26 июня 2003 г. № 6). В этом документе указано, что деньги и ценности, являющиеся предметом взятки и признанные вещественными доказательствами, подлежат обращению в доход государства на основании ст. 98 УПК РБ, а если они не были обнаружены, то их стоимостной эквивалент как неосновательно приобретенной выгоды взыскивается с обвиняемого в доход государства. И этот подход Верховный Суд РБ проводит при осуществлении своих надзорных функций.

Так, по уголовному делу Ш. районный суд в приговоре от 21 марта 2018 г. со ссылкой на ч. 7 ст. 61 УК РБ постановил обратить в доход государства сумму неосновательного дохода в размере 300 р. (преступный доход, полученный в результате совершения Ш. преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 430 УК РБ «Получение взятки»), на которые наложен арест. Приговор оставлен без изменения судебными постановлениями апелляционной и надзорной инстанций областного суда. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РБ, рассмотрев надзорный протест заместителя генерального прокурора, исключила из приговора указание о применении ч. 7 ст. 61 при разрешении вопроса о судьбе арестованного имущества — денежных средств в сумме 300 р., внесенных Ш. на депозитный счет органа уголовного преследования. В обоснование этого решения судебной коллегией была сделана ссылка на нормы УПК РБ, а указанные денежные средства определены ею как «неосновательный доход», обращение которого в доход государства не обусловлено положениями уголовного закона о специальной конфискации⁹.

Такая судебная практика представляется ошибочной по следующим основаниям. Признание орудий и средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, иного имущества, перечисленного в ст. 98 УПК РБ, вещественным доказательством — мера процессуального характера. Главенствующим в решении судьбы имущества, добытого преступным путем, является не его процессуальный статус, а его качество предмета специальной конфискации, свойства которого закреплены в УК РБ и решение по которому в рамках уголовного дела должно основываться на предписаниях уголов-

⁹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь от 19 февраля 2019 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс»: Беларусь. Судебная практика».

но-правовых норм, определяющих специальную конфискацию как меру уголовно-правового характера. Поэтому и вопрос о конфискации такого имущества должен решаться в соответствии с нормами УК РБ, а не УПК РБ.

При решении вопроса о разрешении коллизии указанных норм нельзя не учитывать и правовую позицию Конституционного Суда РБ, изложенную в заключении «О соответствии Конституции положений п. 20 и 21 постановления Пленума Верховного Суда РБ от 10.04.1992 № 1 «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 28 ноября 2001 г. № 3-132/2001 (далее — заключение Конституционного Суда от 28 ноября 2001 г.). Конституционный Суд не только отметил несогласованность положений п. 4 ст. 98 УПК РБ и ч. 6 ст. 61 УК РБ, согласно которой имущество, приобретенное преступным путем, подлежит принудительному безвозмездному изъятию в собственность государства. Он однозначно указал, что, поскольку ни уголовным, ни уголовно-процессуальным законодательством не предусматриваются особенности определения судьбы предмета взятки при добровольном заявлении о ее даче, этот вопрос должен решаться в соответствии с общими правилами, установленными ч. 6 ст. 61 УК РБ¹⁰.

Согласно примечанию к ст. 291 УК РФ («Дача взятки»), «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо в отношении его имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки». В 2007 г. Верховный Суд РФ указал: взяткодатели, в отношении которых не решен вопрос об освобождении от уголовной ответственности, не могут признаваться потерпевшими, поэтому денежные средства, переданные этими лицами взяткополучателю, не могут быть взысканы в их пользу. Изъятые деньги и другие ценности, являющиеся предметами взятки и признанные вещественными доказательствами, подлежат обращению в доход государства на основании п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ¹¹. В 2018 г. позиция Верховного Суда РФ по

данному вопросу была уточнена: предмет взятки возвращается взяткодателю только в случае если взятка передавалась под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, если он до передачи ценностей добровольно сообщил о требовании взятки¹². Подход Верховного Суда РФ к конфискации денег и других ценностей, являющихся предметами взятки и признанных вещественными доказательствами, основан на законе, однако, полагаем, в него вкралась неточность. Между нормами пп. «а»–«в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ отсутствует коллизия. Конфискация таких ценностей, выступающих предметами взятки и признанных вещественными доказательствами, осуществляется в порядке п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ на основании пп. «а»–«в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, а не основании процессуальных норм, как указано в постановлении Пленума.

В п. 2 ст. 70 Закона РБ «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-3 (далее — Закон № 130-3) предусмотрено, что в случае коллизии нормативных правовых актов одинаковой юридической силы, каковыми являются УК РБ и УПК РБ, действуют положения нормативного правового акта, принятого (изданного) позднее¹³. Указанные выше нормы ст. 46 и 46¹ УК РБ введены в него Законом № 171-3, при этом ст. 98 УПК РБ не подвергалась какой-либо корректировке. Следовательно, коллизия приведенных норм УК РБ и УПК РБ должна разрешаться в пользу применения уголовно-правовых норм. Российское законодательство не содержит указания на разрешение коллизии норм нормативных правовых актов одинаковой юридической силы, их наличие следовало бы приветствовать, что позволило бы обеспечить единство правоприменительной практики до момента разрешения такой коллизии законодателем.

Российский и белорусский законодатель предусмотрел, что в случае невозможности в силу тех или иных причин конфисковать имущество конфискации подлежит денежная сумма в эквиваленте стоимости данного имущества. Примечательно, что российский законодатель пошел несколько дальше, указав, что в случае

¹⁰ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 114. № 6/308.

¹¹ Определение Верховного Суда РФ от 31 июля 2007 г. № 48-О07-46сп [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

¹² О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 14 июня 2018 г. № 17. П. 5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.

¹³ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 114. № 6/308.

отсутствия денежных средств, достаточных для конфискации, взамен предмета, подлежащего конфискации, может быть изъято иное имущество, совпадающее по стоимости (ч. 2 ст. 104.1 УК РФ). Данное законодательное уточнение было внесено через пять лет после введения в России конфискации в качестве иной меры уголовно-правового характера. Полагаем, белорусский законодатель вполне мог бы использовать опыт России и имплементировать указанную норму в ст. 46¹ УК РБ, так как ограничение конфискации только денежными средствами, изымаемыми взамен имущества, подлежащего конфискации, не обеспечивает изъятие в доход государства другого, эквивалентного по стоимости имущества.

Обращает на себя внимание, что в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РБ от 26 июня 2003 г. № 6 указано, что при обнаружении денег и ценностей, являющихся предметом взятки и признанных вещественными доказательствами, их стоимостной эквивалент как *неосновательно приобретенной выгоды* взыскивается с обвиняемого в доход государства. На наш взгляд, Верховный Суд РБ, используя в постановлении Пленума, представляющем собой, согласно п. 2 ст. 2 и п. 2 ст. 17 Закона № 130-3, нормативный правовой акт, в приведенной правовой норме понятие «неосновательно приобретенная выгода», неизвестное законодательству Республики Беларусь, вышел за пределы своей компетенции, к которой относится лишь дача разъяснений по вопросам применения законодательства (ст. 53 Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей¹⁴). Пойдя на формулирование указанной нормы, Верховный Суд принял на себя функции законодателя, что противоречит конституционному принципу разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 6 Конституции РБ).

В настоящее время понятие «неосновательно приобретенная выгода» употребляется лишь в двух законодательных актах Республики Беларусь — законах «Об амнистии в связи с 75-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» от 19 июля 2019 г. № 230-3 (ст. 15)¹⁵ и «Об амнистии в связи с 75-летием Победы в Великой Отечествен-

¹⁴ Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006. № 107. № 1/1236.

¹⁵ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2019. № 2/2654.

ной войне 1941–1945 годов» от 18 мая 2020 г. № 17-3 (ст. 10, 14)¹⁶. И позаимствовано оно из постановления Пленума от 26 июня 2003 г. № 6. Определение понятия «неосновательно приобретенная выгода» в указанных законах не приводится, но из контекста названных статей этих законов следует, что неосновательно приобретенная выгода является видом дохода, полученного преступным путем. Если это так, то понятие «неосновательно приобретенная выгода» является излишним, не имеющим права на существование и не подлежащим применению, поскольку явочным порядком одобряет приведенную выше норму п. 19 постановления Пленума от 26 июня 2003 г. № 6, не соответствующую Конституции и Кодексу Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей.

К сожалению, ни приведенное заключение Конституционного Суда РБ от 28 ноября 2001 г., ни решение Конституционного Суда РБ от 6 июня 2017 г., ни предписания Закона № 130-3 и Кодекса Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей пока не приняты во внимание Верховным Судом; им не откорректированы соответствующим образом п. 1 постановления Пленума от 23 сентября 1999 г. № 8 и п. 19 постановления Пленума от 26 июня 2003 г. № 6. Верховный Суд РБ не выразил своей позиции по этому актуальному вопросу и в Методических рекомендациях по применению судами отдельных положений Закона № 171-3¹⁷. О наличии указанной коллизии норм УК РБ и УПК РБ и о предложениях по ее разрешению судами умолчал и автор комментария к ст. 46¹ УК РБ, рекомендуя, как и Пленум Верховного Суда РБ, руководствоваться при решении вопроса о конфискации предмета специальной конфискации, признанного по уголовному делу вещественным доказательством, предписаниями не уголовно-правовых норм, а ст. 98 УПК РБ [10, с. 118].

По ряду уголовных дел суды осуществляют конфискацию имущества, включенного в УК РБ в перечень предметов специальной конфискации, со ссылкой на ст. 155 УПК РБ «Решение по граж-

¹⁶ Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2020. № 2/2736.

¹⁷ Методические рекомендации не были опубликованы, а были лишь разосланы Верховным Судом в нижестоящие суды в начале июля 2019 г. для сведения с целью обеспечения правильного и единообразного применения уголовного закона и принятия мер по организации пересмотра приговоров.

данскому иску» и (или) ст. 933 «Общие основания ответственности за причинение вреда», 949 «Ответственность за совместно причиненный вред» Гражданского кодекса Республики Беларусь вместо подлежащих применению в этом случае норм УК РБ о специальной конфискации.

По уголовному делу Ц. и К., осужденных по ст. 233 УК РБ за незаконную предпринимательскую деятельность, осуществлявшуюся без государственной регистрации, суд Московского района г. Минска со ссылкой на ст. 949 ГК РБ удовлетворил гражданский иск прокурора о взыскании с осужденных в солидарном порядке причиненного ими ущерба и конфисковал их имущество в доход государства в счет уплаты удовлетворенного гражданского иска.

В связи с декриминализацией указанной деятельности Законом № 171-3 суд Московского района г. Минска, 19 июля 2019 г. рассмотрев материалы названного уголовного дела, вынес постановление, которым привел приговор по нему в соответствие с этим законом и освободил Ц. и К. от наказания, назначенного им соответственно по ч. 2 ст. 233 и ч. 6 ст. 16, ч. 2 ст. 233 УК, равно как от дополнительного наказания в виде конфискации имущества. Одновременно в этом постановлении суд указал, что вступление в силу Закона № 171-3 не является основанием для пересмотра приговора суда в части гражданского иска¹⁸.

Решение суда об отсутствии оснований для пересмотра приговора суда в части гражданского иска не может быть оспорено. Но оно базируется на приговоре, в котором было допущено существенное нарушение закона.

Во-первых, доход, полученный в результате незаконной предпринимательской деятельности (ст. 233 УК РБ), не является ущербом от совершения данного преступления. Среди признаков состава этого преступления белорусский законодатель не предусмотрел такое общественно опасное последствие, как причинение ущерба в виде получения незаконного дохода от такой деятельности.

Во-вторых, доход, полученный в результате совершения указанного преступления, подлежал обращению в бюджет не на основании норм ГК, а в соответствии с ч. 6 ст. 61 УК РБ.

Неприменение ч. 6 ст. 61 УК РБ при осуждении Ц. и К. за совершение преступления, пред-

¹⁸ Уголовное дело Ц. и К., осужденных по приговору суда Московского района г. Минска от 15 августа 2016 г. по ст. 233 и 243 УК // Архив суда Московского района г. Минска за 2016 г.

усмотренного ст. 233 УК РБ, лишило их права требовать изменения приговора и в части неприменения с 19 июля 2019 г. (дня вступления в силу Закона № 171-3) специальной конфискации, которую надлежало применить по этому уголовному делу при постановлении приговора в 2016 г. Восстановление этого права Ц. и К. в настоящее время возможно лишь путем пересмотра приговора в порядке надзора.

Аналогичная ситуация имела место по уголовному делу В. и других, осужденных по ст. 233 УК РБ. По этому уголовному делу президиум Минского городского суда вынес постановление от 31 июля 2019 г., в котором рассмотрел лишь вопросы обратной силы Закона № 171-3, поставленные в надзорном протесте по этому уголовному делу, внесенном заместителем председателя Верховного Суда Республики Беларусь. В протесте не затрагивались вопросы законности приговора районного суда в части признания дохода, полученного в результате незаконной предпринимательской деятельности В. и других, ущербом от преступления и обращения его в доход государства не на основании ч. 6 ст. 61 УК РБ¹⁹. Не исследовав законность приговора в этой части, президиум Минского городского суда, полагаем, нарушил предписания ч. 1 ст. 414 УПК РБ, согласно которым при рассмотрении уголовного дела в порядке надзора суд не связан доводами протеста и обязан проверить все производство по делу в полном объеме.

С корректировкой Законом № 171-3 регулирования в УК РБ специальной конфискации были дополнены формы статистической отчетности. Впервые в Беларуси появилась официальная информация о числе случаев ее применения. Так, во втором полугодии 2019 г. специальная конфискация применена к 596 осужденным²⁰, в первом полугодии 2020 г. — к 902 осужденным²¹. В подавляющем большинстве случаев она назначалась по уголовным делам о незаконном обороте нарко-

¹⁹ Уголовное дело В. и других лиц, осужденных по приговору суда Ленинского района г. Минска от 1 июня 2018 г. по ст. 233 УК // Архив суда Ленинского района г. Минска за 2018 г.

²⁰ Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания, форма 10. Ч. 3, 2-е полугодие 2019 г. Минск, 2020.

²¹ Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания, форма 10. Ч. 3, 1-е полугодие 2020 г. Минск, 2020.

тических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (35,1 %), управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передаче управления транспортным средством такому лицу либо отказе от прохождения проверки (освидетельствования) (30,5 %) и хищениях (17,8 %).

Примечательно, что в России официальные данные по конфискации представлены крайне скудно. Так, в 2007 г. (т.е. после «возвращения» конфискации в уголовный закон) данная мера применялась в отношении 73 лиц; в 2008, 2009 гг. — в отношении 511 и 587 лиц соответственно [11, с. 4]. Под данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2017 г. конфискация имущества была назначена 2 320 осужденным, в том числе 45 несовершеннолетним, в 2018 г. — 1 233 осужденным, в том числе 28 несовершеннолетним, в 2019 г. — 3 001 осужденному, 78 из которых являлись несовершеннолетними²²; при этом Судебным департаментом не представляется информация о суммах материальных взысканий и иные сведения, имеющие отношение к применению конфискации имущества²³.

Корректировку правового регулирования специальной конфискации, произведенную в белорусском уголовном законе в 2019 г., следует рассматривать как прогрессивный шаг в развитии данного уголовно-правового института. Однако этот шаг законодателя представляется не до конца последовательным, полным, системным и комплексным. Специальная конфискация является межотраслевым институтом, который, основываясь на конституционных предписаниях, должен найти системное и комплексное регулирование в нормах белорусского гражданского, уголовного, административно-деликтного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства и законодательства об исполнительном производстве, в том числе путем устранения коллизии приведенных выше норм уголовного и уголовно-процессуального законов. Эти же претензии могут быть предъяв-

²² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2019 г. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

²³ Отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>.

лены и к соответствующим отраслевым нормам законодательства России, в которых конфискация имущества как принудительная мера уголовно-правового характера не получила своего комплексного и системного регулирования [12].

Отмечая коллизионность норм ч. 1 ст. 46¹ УК РБ и пп. 1, 2 и 4 ст. 98 УПК РБ, п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ и п. 2.1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ, нельзя не видеть возможный путь устранения такой коллизии, отчасти реализованный российским законодателем в 2006 г., когда он ввел в ч. 3 ст. 81 УПК РФ п. 4.1, который предусматривает конфискацию на основании уголовно-правовых норм пп. «а»–«в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ в порядке, предусмотренном п. 4.1 ч. 3 ст. 81 УПК РФ. Такое же решение может быть предложено и для указанных коллизионных норм Беларуси и России: названные выше структурные элементы ст. 98 УПК РБ, ст. 81 УПК РФ следует изложить таким образом, чтобы в них содержалась ссылка соответственно на нормы ч. 1 ст. 46¹ УК РБ и п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ как содержащие основания применения специальной конфискации (конфискации имущества) в порядке, предусмотренном указанными статьями соответственно УПК РБ и УПК РФ. Одновременно в УПК обоих государств следует предусмотреть нормы, согласно которым предмет специальной конфискации (конфискации имущества), признанный вещественным доказательством, может не подвергаться конфискации, если с учетом его характеристик он должен остаться при уголовном деле в течение всего срока хранения последнего.

Сравнительный анализ норм о конфискации имущества (специальной конфискации) в России и Беларуси позволяет признать заслуживающим внимания подход белорусского законодателя, определяющего перечень предметов специальной конфискации без привязки к конкретным статьям Особенной части УК. Этот подход можно реализовать в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, отказавшись от имеющегося в нем перечня статей Особенной части УК РФ, который за десять лет уже 18 (!) раз подвергался дополнениям, направленным на его расширение. И, как показывает судебная практика, несмотря на многочисленные корректировки, данный перечень не удовлетворяет предъявляемым к нему требованиям.

В научной литературе неоднократно высказывались сомнения в части целесообразности отсутствия в данном перечне норм, прямо предполагающих извлечение незаконной материальной выгоды [13, с. 205; 14, с. 81; 15,

с. 20]. В обоснование позиции законодателя по данному вопросу приводилось мнение, что не включение хищений чужого имущества в число деяний, за которые возможно применение конфискации имущества, связано с тем, что предусмотренный федеральным законом № 153-ФЗ механизм конфискации основывается на том, что имущество, полученное в результате совершения преступления, подлежит возвращению законным владельцам [15, с. 3; 16, с. 77; 17; 18, с. 182; 19, с. 32; 20; 21]. Однако отсутствие той или иной нормы в перечне, закрепленном в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, приводит к отказам в применении обеспечительной меры — наложении ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ).

Так, по постановлению Майминского районного суда Республики Алтай от 17 августа 2017 г. отказано в удовлетворении ходатайства о наложении ареста на автомобиль, принадлежащий К., обвиняемому по ч. 2 ст. 292 УК РФ. Суд в постановлении указал, что стоимость автомобиля составляет 1 млн 706 тыс. р., что существенно превышает размер возможного штрафа — от 100 до 500 тыс. р. Кроме того, предусмотренное ст. 292 УК РФ деяние не относится к числу преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, за совершение которых возможно применение конфискации имущества²⁴.

²⁴ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

С учетом того что криминообразующим признаком преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, является корыстная или иная личная заинтересованность, неприменение обеспечительной меры ввиду отсутствия ст. 292 УК РФ в перечне норм, за которые может быть применена конфискация, видится нелогичным, так как «деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества подлежат возвращению законному владельцу» (п. 4 ч. 3 ст. 81 УПК РФ).

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что решения Конституционных Судов РФ и РБ, законодательные новеллы уголовного и уголовно-процессуального законов РФ и РБ сдвинули с мертвой точки проблему сопряжения норм об уголовно-правовой и уголовно-процессуальной конфискации. Однако решение этой проблемы оказалось неполным, противоречивым и несистемным. Представляется необходимым отказаться от уголовно-процессуальной конфискации. Основанием конфискации имущества в РФ (специальной конфискации в РБ) могут служить только нормы уголовного закона. Предназначение уголовно-процессуальных норм состоит в регулировании порядка применения в уголовном судопроизводстве норм уголовного закона, определяющих основания для применения конфискации имущества (специальной конфискации).

[Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 27 марта 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скобликов П.А. Постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам конфискации имущества: критический анализ / П.А. Скобликов // Закон. — 2018. — № 9. — С. 122–132.
2. Лукашов А.И. Правовая природа освобождения от уголовной ответственности (в поисках концептуального решения) / А.И. Лукашов // Уголовная политика и культура противодействия преступности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15 сент. 2017 г. В 2 т. Т. 1. — Краснодар, 2017. — С. 267–273.
3. Civello G. La Confisca nell'attuale Spirit dei Tempi: Trapunzione e Prevenzione / G. Civello // Archivio Penale. — 2019. — № 71 (2). — P. 17–20.
4. Montagna M. Confisca e Tutela del Terzostraneo / M. Montagna // Archivio Penale. — 2019. — № 71 (2). — P. 67–71.
5. Cassella S.D. Nature and basic Problems of Non-Conviction-Based Confiscation in the United States / S.D. Cassella // Veredas do Direito. — 2019. — Vol. 16, iss. 34. — P. 41–65.
6. Operti E. Tough on criminal Wealth? Exploring the link between Organized Crime's asset Confiscation and regional Entrepreneurship / E. Operti // Small Business Economics. — 2018. — Vol. 51, iss. 2. — P. 321–335.
7. Mobile real Estate: legal Status and succession Principles / E.A. Kirillova, V.N. Suslikov, V.V. Bogdan, A.A. Baybarin, S.V. Sheveleva // Journal of Advanced Research in Law and Economics. — 2015. — Vol. 6, № 1. — P. 96–103.
8. Ответственность в сфере денежных отношений: уголовно-правовая и криминологическая характеристика / И.Б. Лагутин, М.Н. Урда, Ю.В. Арбатская, Н.В. Васильева. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).313-323 // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. 313–323.
9. Ищенко Е.П. Основные направления виктимологической профилактики преступлений террористической направленности: криминологический и криминалистический аспекты / Е.П. Ищенко, Д.В. Алымов. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).538-546 // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 3. — С. 538–546.
10. Хомич В.М. Комментарий к статье 461 / В.М. Хомич // Уголовный кодекс Республики Беларусь: научно-практический комментарий / Т.П. Афонченко, Н.А. Бабий, А.В. Барков ; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. — Минск, 2019. — С. 116–119.

11. Пропостин А.А. Конфискация имущества как мера борьбы с преступностью: прошлое, настоящее, будущее : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.А. Пропостин. — Томск, 2010. — 22 с.
12. Кибальник А. Оценка «антитеррористических» новелл уголовного закона / А. Кибальник // Уголовное право. — 2006. — № 5. — С. 46–50.
13. Урда М.Н. Ответственность за контрабанду по уголовному законодательству стран — участниц таможенного союза: проблемы унификации законодательства / М.Н. Урда, С.В. Шевелева, И.В. Тененева. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).205-215 // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 1. — С. 205–215.
14. Алымов Д.В. Основные направления развития научно-технического обеспечения правоохранительной деятельности / Д.В. Алымов // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. — 2018. — Т. 8, № 2 (27). — С. 81–91.
15. Волженкин Б.В. Загадки конфискации / Б.В. Волженкин // Известия вузов. Правоведение. — 2008. — № 2. — С. 1–21.
16. Михайлов В.И. Конфискация в национальном и международном уголовном и уголовно-процессуальном праве / В.И. Михайлов // Законодательство. — 2007. — № 3. — С. 71–78.
17. Голик Ю.В. К вопросу о системности уголовного закона (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ продолжает рушить системность построения Уголовного кодекса РФ) / Ю.В. Голик // Уголовно-правовая политика и проблемы противодействия современной преступности : сб. науч. тр. / под ред. Н.А. Лопашенко. — Саратов, 2006. — С. 144–147.
18. Кибальник А.Г. Конфискация имущества реанимирована: что дальше? / А.Г. Кибальник, А.А. Болатчиева // Российский криминологический взгляд. — 2007. — № 1 (9). — С. 176–182.
19. Яни П.С. Применение норм о конфискации / П.С. Яни // Российская юстиция. — 2006. — № 12. — С. 32–36.
20. Тюшнякова О.В. Анализ конфискации имущества: история и современность / О.В. Тюшнякова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2010. — № 72. — С. 79–90.
21. Баумштейн А.Б. Иные меры уголовно-правового характера в современном уголовном праве: понятие и содержание / А.Б. Баумштейн // Закон и право. — 2018. — № 8. — С. 90–92.

REFERENCES

1. Skoblikov P.A. Ruling of the Plenum of the RF Supreme Court on Asset Forfeiture: a Critical Review. *Zakon = Law*, 2018, no. 9, pp. 122–132. (In Russian).
2. Lukashov A.I. The legal nature of exemption from criminal liability (in search of a conceptual solution). *Ugolovnaya politika i kul'tura protivodeistviya prestupnosti. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 15 sentyabrya 2017 g.* [Criminal Policy and the Culture of Counteracting Crime. Materials of the International Research Conference, September 15, 2017]. Krasnodar, 2017, vol. 1, pp. 267–273. (In Russian).
3. Civello G. La Confisca nell'attuale Spirit dei Tempi: Trapunizione e Prevenzione. *Archivio Penale*, 2019, no. 71 (2), pp. 17–20. (In Italian).
4. Montagna M. Confisca e Tutela del Terzoestraneo. *Archivio Penale*, 2019, no. 71 (2), pp. 67–71. (In Italian).
5. Cassella S.D. Nature and Basic Problems of Non-Conviction-Based Confiscation in the United States. *Veredas do Direito*, 2019, vol. 16, iss. 34, pp. 41–65.
6. Operti E. Tough on Criminal Wealth? Exploring the Link between Organized Crime's Asset Confiscation and Regional Entrepreneurship. *Small Business Economics*, 2018, vol. 51, iss. 2, pp. 321–335.
7. Kirillova E.A., Suslikov V.N., Bogdan V.V., Baybarin A.A., Sheveleva S.V. Mobile Real Estate: Legal Status and Succession Principles. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2015, vol. 6, no. 1, pp. 96–103.
8. Lagutin I.B., Urda M.N., Arbatskaya Yu.V., Vasil'eva N.V. Responsibility for financial crimes: criminal legal and criminological characteristics. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 2, pp. 313–323. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(2).313-323. (In Russian).
9. Ishchenko Ye.P., Alymov D.V. Key trends in the victimological prevention of terrorism crimes: criminological and criminological aspects. *Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 3, pp. 538–546. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(3).538-546. (In Russian).
10. Khomich V.M. Commentary to Article 461. In Afonchenko T.P., Babii N.A., Barkov A.V.; Khomich V.M., Barkov A.V., Marchuk V.V. (eds.). *Ugolovnyi kodeks Respubliki Belarus': nauchno-prakticheskii kommentarii* [Criminal Code of the Republic of Belarus: research and practice comment]. Minsk, 2019, pp. 116–119. (In Russian).
11. Propostin A.A. *Konfiskatsiya imushchestva kak mera bor'by s prestupnost'yu: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Avtoref. Kand. Diss.* [Confiscation of Property as a Measure to Combat Crime: Past, Present, Future. Cand. Diss. Thesis]. Tomsk, 2010. 22 p.
12. Kibal'nik A. The assessment of «anti-terrorism» novelties in criminal legislation. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2006, no. 5, pp. 46–50. (In Russian).
13. Urda M.N., Sheveleva S.V., Teneneva I.V. Responsibility for Smuggling under the Criminal Law of the Customs Union Member States: Issues of legislative Unification. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 205–215. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).205-215. (In Russian).
14. Alymov D.V. Main Directions of Development of Scientific and Technical Supply of Law Enforcement Activity. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of South-West State University. Series History and Law*, 2018, vol. 8, no. 2 (27), pp. 81–91. (In Russian).
15. Volzhenkin B.V. Mysteries of Confiscation. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 2008, no. 2, pp. 1–21. (In Russian).
16. Mikhailov V.I. Confiscation in the national and international criminal and criminal procedure law. *Zakonodatelstvo = Legislation*, 2007, no. 3, pp. 71–78. (In Russian).

17. Golik Yu.V. To the issue of the systemic character of criminal law (Federal Law of July 27, 2006 No 153-FZ is still destroying the system structure of the Criminal Code of the Russian Federation). In Lopashenko N.A. (ed.). *Ugolovno-pravovaya politika i problemy protivodeistviya sovremennoi prestupnosti* [Criminal Law Policy and Modern Crime Counteraction Issues]. Saratov, 2006, pp. 144–147. (In Russian).

18. Kibal'nik A.G. The confiscation of property is revived: what next? *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Russian Criminological Outlook*, 2007, no. 1 (9), pp. 176–182. (In Russian).

19. Yani P.S. Application of legal Provisions Concerning Forfeiture. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2006, no. 12, pp. 32–36. (In Russian).

20. Tyushnyakova O.V. The analysis of the confiscation of property: history and today. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva = Vestnik of Volzhsky University after V.N. Tatischev*, 2010, no. 72, pp. 79–90. (In Russian).

21. Baumstein A.B. Other Criminal LAW Measures in Modern Criminal Law: Concept and Content. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2018, no. 8, pp. 90–92. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукашов Алексей Ильич — доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Минск, Республика Беларусь; e-mail: a_lukashov@tut.by.

Шевелева Светлана Викторовна — декан юридического факультета Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, доцент, г. Курск, Российская Федерация; e-mail: decan46@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Лукашов А.И. Конкурирующие нормы о конфискации имущества в уголовном и уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь и Российской Федерации / А.И. Лукашов, С.В. Шевелева. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).914-926 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 6. — С. 914–926.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Lukashov, Alexey I. — Ass. Professor, Chair of Criminal Law, Belarusian State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Minsk, the Republic of Belarus; e-mail: a_lukashov@tut.by.

Sheveleva, Svetlana V. — Dean, Law Faculty, Southwest State University, Doctor of Law, Ass. Professor, Kursk, the Russian Federation; e-mail: decan46@yandex.ru.

FOR CITATION

Lukashov A.I., Sheveleva S.V. Competing norms on the confiscation of property in the criminal and criminal procedure legislation of the Republic of Belarus and of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 6, pp. 914–926. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(6).914-926. (In Russian).